

Наркомания в феноменологическом контексте: к вопросу о сущности зависимости как социально-философской и биоэтической проблеме.

**Джанабаев Ажинияз
Толыбаевич.**

*UNIVERSITY OF INNOVATION TECHNOLOGIES.
ассистент-преподаватель кафедры истории и
общественных наук.*

Аннотация: В статье предпринимается систематический феноменологический анализ наркомании как онтологического расстройства бытия-в-мире. Отправной точкой исследования служит критика редукционистских моделей зависимости — биомедицинской, психологической и социологической, — каждая из которых, схватывая реальный аспект явления, утрачивает его экзистенциальную целостность. В качестве методологической основы используется концептуальный аппарат феноменологической традиции: трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля, фундаментальная онтология М. Хайдеггера, философия воплощённого субъекта М. Мерло-Понти и экзистенциальная аналитика Ж.-П. Сартра. Анализ последовательно раскрывает четыре взаимосвязанных измерения феноменологической деформации, конституирующих сущность наркомании.

Ключевые слова: наркомания, феноменология, бытие-в-мире, онтологическое расстройство, интенциональность, экзистенциальная темпоральность, телесная схема, седиментация, воплощённость,

Abstract: This article undertakes a systematic phenomenological analysis of drug addiction as an ontological disorder of being-in-the-world. The study begins with a critique of the reductionist models of addiction — biomedical, psychological, and sociological — each of which, while capturing a real aspect of the phenomenon, fails to account for its existential totality. The conceptual apparatus of the phenomenological tradition serves as the methodological foundation: E. Husserl's transcendental phenomenology, M. Heidegger's fundamental ontology, M. Merleau-Ponty's philosophy of the embodied subject, and J.-P. Sartre's existential analytics. The analysis systematically discloses four interrelated dimensions of phenomenological deformation that together constitute the essence of addiction.

Keywords: drug addiction, phenomenology, being-in-the-world, ontological disorder, intentionality, existential temporality, bodily schema, sedimentation, embodiment,

Наркомания принадлежит к числу тех явлений современной цивилизации, которые с трудом поддаются однозначной дисциплинарной локализации. Медицина описывает её как хроническое рецидивирующее заболевание,

сопряжённое с нейробиологическими изменениями мозговых структур; юриспруденция квалифицирует наркопотребление как девиантное или противоправное поведение; социология фиксирует его как симптом системной дисфункции — бедности, маргинализации, распада социальных связей. Каждый из этих подходов по-своему правомерен и по-своему недостаточен: все вместе они описывают зависимого человека *снаружи* — как объект наблюдения, диагностики, контроля, — но не *изнутри*, не как субъекта определённого способа существования в мире. Именно здесь открывается пространство для философского анализа, и в особенности — для феноменологического. Феноменологическая традиция, восходящая к трансцендентальной философии Эдмунда Гуссерля и получившая развитие в экзистенциальной онтологии Мартина Хайдеггера, антропологии воплощённого субъекта Мориса Мерло-Понти и экзистенциализме Жан-Поля Сартра, задаётся вопросом иного рода: каков *способ бытия* зависимого человека? Каким образом структурируется его сознание, его телесность, его темпоральность, его отношение к Другому и к самому себе? Этот вопрос не является сугубо академическим. Он имеет прямое биоэтическое измерение: если мы не понимаем, что именно происходит с человеком в состоянии зависимости на уровне его экзистенциальных структур, мы не способны ни адекватно оценить меру его ответственности и свободы, ни выстроить подлинно гуманистическую — а не карательную или сугубо медикализованную — модель помощи. Вопрос об изменённых состояниях сознания, вызванных психоактивными веществами, сопровождает философскую мысль с её истоков — задолго до того, как медицина сформулировала понятие зависимости. В античности употребление опьяняющих веществ осмыслялось преимущественно в двух регистрах: религиозно-мистическом и этическом. Элевсинские мистерии, дельфийский оракул, дионисийские культы — суть институциональные формы химически опосредованного выхода за пределы обыденного сознания, понимавшегося как прорыв к иному измерению бытия. Платон в «Федоне» и «Федре» описывает философское познание как особый вид опьянения — *mania* божественного происхождения, принципиально отличного от вульгарного помрачения рассудка. Здесь уже намечается фундаментальное различие, которое будет воспроизводиться в европейской мысли на протяжении столетий: различие между *возвышающим* исступлением, ведущим к истине, и *низводящим* опьянением, порабащивающим душу телу.

Феноменологический анализ позволяет теперь сформулировать определение сущности наркомании, выходящее за пределы медицинских и социологических редукций. Наркомания есть *онтологическое расстройство бытия-в-мире*, характеризующееся: системным сужением интенциональности сознания до единственного предмета — химического вещества; коллапсом экзистенциальной темпоральности и замещением подлинного проекта циклической псевдотемпоральностью тяги; седиментацией зависимости в телесной схеме субъекта, реорганизующей само основание его воплощённого существования; прогрессирующей деструкцией интерсубъективных отношений и разрушением со-бытия с Другим; фактическим сужением пространства

свободы при сохранении её формальной онтологической структуры — что порождает специфический экзистенциальный. Проведённый в настоящей статье феноменологический анализ наркомании позволяет подвести итоги, выходящие за пределы частной проблемы зависимости и затрагивающие более широкий горизонт социально-философского и биоэтического мышления о человеке, его свободе и его уязвимости. Исходным методологическим решением работы был сознательный отказ от редукционизма — от той исследовательской установки, которая описывает зависимого человека *снаружи*: как носителя болезни, как правонарушителя, как жертву социальных обстоятельств. Феноменологический поворот означал обращение к *первому лицу* — к тому, каким именно образом структурируется существование зависимого субъекта изнутри его собственного опыта. Этот поворот оказался эвристически продуктивным: он позволил обнаружить в явлении наркомании такие измерения, которые остаются принципиально невидимыми для естественно-научного или нормативно-юридического взгляда.

В заключение необходимо обозначить направления дальнейшего исследования, которые открывает проведённый анализ. Перспективным представляется сравнительный феноменологический анализ различных форм зависимости — химической, поведенческой, цифровой — с целью установления общих онтологических структур и специфических различий. Требуется разработки вопрос о феноменологии *восстановления*: каким образом реструктурируется бытие-в-мире в процессе преодоления зависимости, какие экзистенциальные ресурсы при этом задействуются и каков онтологический статус ремиссии. Важнейшей задачей остаётся также разработка феноменологически обоснованных биоэтических критериев для оценки конкретных моделей наркополитики и реабилитационных практик — перевод онтологического анализа в язык нормативных рекомендаций, операциональных для социальной и медицинской практики. Феноменология не претендует на то, чтобы заменить медицину, социологию или право в работе с проблемой наркомании. Но она делает то, без чего эта работа остаётся слепой: возвращает зависимому субъекту его *онтологический статус* — статус существа, способного страдать, а значит, способного и к исцелению; существа, чья свобода стеснена, но не уничтожена; существа, достоинство которого не отменяется его зависимостью, но именно поэтому требует особой — философски осмысленной и этически ответственной — защиты.

Список литературы:

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А. В. Михайлова. — М.: Академический проект, 2009. — 489 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 2006. — 316 с.
3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / пер. с нем. В. И. Молчанова. — М.: Гнозис, 1994. — 192 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — М.: Академический проект, 2011. — 460 с.

5. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики: Мир — Конечность — Одиночество / пер. с нем. В. В. Бибихина, А. В. Ахутина. — СПб.: Владимир Даль, 2013. — 591 с.

6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2004. — 639 с.

7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. М. Грецкого // Сумерки богов. — М.: Политиздат, 1989. — С. 319–344.